

при изученіи того, что есть, а при обсужденіи того, что должно быть, т.-е. въ вопросахъ экономической политики. Только къ наукѣ въ собственномъ смыслѣ примѣняется понятіе о научныхъ законахъ, о которыхъ,—замѣтимъ кстати,—слѣдовало-бы поменьше говорить экономистамъ, при нынѣшнемъ шаткомъ состояніи политической экономіи съ ея разнообразіемъ школъ и направленій. Г. Ходскій разсуждаетъ объ „основныхъ законахъ, управляющихъ хозяйствомъ“, какъ о главномъ предметѣ науки; но эти разсужденія ограничиваются введеніемъ, и во всей положительной части курса читатель напрасно сталъ-бы искать указаній на какіе-либо общіе экономическіе законы, кромѣ развѣ такихъ банальныхъ, какъ „законъ“ спроса и предложенія. „Хотя воля человѣка въ экономической сферѣ,—по словамъ автора,—играетъ громадную роль, все-же послѣдняя не настолько сильна, чтобы отодвигать на задній планъ экономическіе законы. Воля оказываетъ на нихъ вліяніе; однако, принимая во вниманіе все народное хозяйство, слѣдуетъ признать, что законы господствуютъ надъ волею. Благодаря этому, всякій данный экономическій строй отличается значительною устойчивостью, такъ-что при всей заманчивости быстрого и коренного переустройства его по тому или другому идеалу—мечты объ этомъ будутъ всегда разбиваться объ экономическіе законы, управляющіе экономическимъ строемъ данной эпохи“. Однако, каковы эти великіе законы и въ чемъ они заключаются,—объ этомъ въ курсѣ г. Ходскаго нѣтъ почти ничего. Въ виду скромныхъ задачъ курса было-бы цѣлесообразнѣе не упоминать о научныхъ законахъ, чтобы не возбуждать въ читателѣ преувеличенныхъ ожиданій.

По нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ авторъ держится еще устарѣлыхъ воззрѣній. Подъ производствомъ онъ разумѣетъ „созданіе невещественныхъ цѣнностей, выражающееся въ оказываніи разнаго рода услугъ (?), а также открытіе, видоизмѣненіе и перемѣщеніе вещественныхъ полезностей и цѣнностей“. Теорію „услугъ“ пора уже бросить; она ничего не объясняетъ, а только вводитъ въ науку простую фразеологию. Невещественныя цѣнности можно-бы вообще оставить въ сторонѣ, такъ же точно какъ и „невещественный капиталъ“. Относительно капиталистовъ авторъ ошибочно полагаетъ, что при низкомъ уровнѣ ссуднаго процента они предпочтутъ „держать свои деньги у себя, расходуя ихъ, по мѣрѣ надобности, на нужды потребленія, чѣмъ отдать ихъ въ постороннія руки“,—какъ-будто капиталы ищутъ помѣщенія въ ущербъ личнымъ надобностямъ капиталистовъ. Къ рабочему классу авторъ относится довольно строго: по его мнѣнію, „забастовки, не вызванныя злоупотребленіями со стороны предпринимателей, необходимо преслѣдовать въ интересахъ на-